

World Conference on Social Sciences, Law and Public Policy

Hosted Online from Toronto, Canada

Date: 26th May 2026

Website: <https://econferencia.com>

ФУНКЦИИ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В МАГИЧЕСКОМ РЕАЛИЗМЕ (СРАВНЕНИЕ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ, РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ МОДЕЛЕЙ)

Каримов Зиёахмад Алишер угли
преподаватель кафедры русского языка
и литературы Джизакского государственного
педагогического университета имени А.Кадыри.
Эл.адрес: ziyoka37@gmail.com

Аннотация

Магический реализм часто определяется через введение чудесного в реалистическое повествование, однако его темпоральная природа остается недостаточно изученной. В статье ставится вопрос о том, как различные типы мифологического времени — циклическое, симуляционное и эпическое — формируют поэтику магического реализма в трех культурных традициях. Типология времени построена на основе концепции «вечного возвращения» М. Элиаде и понятия хронотопа М. Бахтина.

Ключевые слова: магический реализм, мифологическое время, Гарсиа Маркес, Пелевин, Хамдам, циклическое время, эпическое время, симулякр.

Введение

Проблема времени в магическом реализме долгое время оставалась в тени дискуссий о соотношении реального и фантастического [1, р. 45]. Между тем, именно способ организации времени определяет, воспринимается ли чудо как нарушение нормы или как естественный порядок вещей. М. Элиаде различал сакральное (мифическое) и профанное (историческое)

World Conference on Social Sciences, Law and Public Policy

Hosted Online from Toronto, Canada

Date: 26th May 2026

Website: <https://econferencia.com>

время: в мифе время циклично, в истории — линейно [2]. Магический реализм, как правило, совмещает оба типа, однако пропорции этого совмещения варьируются культурно. Латиноамериканская традиция (А. Карпентьер, Х. Л. Борхес, Г. Гарсиа Маркес) обычно ассоциируется с «чудесной реальностью», выросшей из колониальной травмы и до-колумбовых мифов [3]. Русский магический реализм 1990-х (В. Пелевин, В. Орлов, М. Фрай) часто трактуется как постмодернистская игра, где миф становится симулякром и «время рассыпается» [4]. Узбекская проза (У. Хамдам, Т. Малик, Т. Султан) в этом ряду почти не исследована компаративно, хотя именно там можно наблюдать третью модель — эпическое время, сохраняющее до-советские темпоральные структуры [5].

Цель исследования — определить, как различные типы мифологического времени организуют поэтику магического реализма в трех культурах, и какую функцию (терапевтическую, деконструирующую или консервирующую) это время выполняет. Гипотеза: универсальный механизм магического реализма — введение чуда без объяснения — в каждой культуре опирается на доминантный темпоральный архетип: циклический (Латинская Америка), симуляционный (Россия), эпический (Узбекистан).

Материалы и методы

Для анализа отобраны три текста, репрезентирующие соответствующие традиции: · Г. Гарсиа Маркес. «Сто лет одиночества» (1967) — эталонный текст латиноамериканского магического реализма [6]; · В. Пелевин. «Чапаев и Пустота» (1996) — наиболее показательный русский роман, где магический реализм встречается с буддийской философией времени [7]; ·

World Conference on Social Sciences, Law and Public Policy

Hosted Online from Toronto, Canada

Date: 26th May 2026

Website: <https://econferencia.com>

У. Хамдам. «Книга зла» (2005, на узбекском языке; в статье используется русский перевод фрагментов) — центральное произведение узбекского магического реализма, где мифология старого Ташкента встроена в современную нарративную ткань [8]. Методы. Исследование выполнено в рамках компаративного и структурно-семиотического подходов. В качестве основных аналитических категорий использованы: (1) концепция «вечного возвращения» М. Элиаде [2]; (2) типология хронотопа М. Бахтина (в частности, «фольклорный хронотоп» и «хронотоп порога») [9]; (3) различие «фантастического» и «чудесного реального» у Ц. Тодорова и А. Карпентьера [3; 10]. Процедура анализа: для каждого текста проведен структурный анализ временных маркеров (повторы, возвраты, цикличность сюжета, разрывы линейной последовательности). Затем выполнено сравнительное сопоставление по трем параметрам: (а) тип временной организации, (б) статус чуда во времени, (в) функция мифологического времени.

Результаты

Латиноамериканская модель: циклическое время как исцеление травмы. В «Ста лет одиночества» Гарсиа Маркеса мифологическое время реализовано через три основных механизма. Первый — повторяющиеся имена. Семь поколений Буэндиа включают Хосе Аркадио и Аурелиано, судьбы которых циклически повторяются: полковник Аурелиано Буэндиа предпринимает 32 вооруженных восстания, все проигрывает, а его потомки воспроизводят этот паттерн фатального бунта [6, с. 142-158]. Второй механизм — катастрофическое время природы. Четыре года дождя, десять лет засухи — эти периоды не являются историческими датами, но отсылают к мифологическим циклам смерти и возрождения [6, с. 321]. Третий —

World Conference on Social Sciences, Law and Public Policy

Hosted Online from Toronto, Canada

Date: 26th May 2026

Website: <https://econferencia.com>

пророчество и его исполнение в финале. Пергаменты Мелькиадеса, предсказывающие конец рода, читаются именно в момент исполнения: «тому, кто родился одиночеством, суждено умереть одиночеством» [6, с. 422]. Функция этого циклического времени — терапевтическая. Латиноамериканская история (гражданские войны, диктатуры, неолиберальные реформы) предстает как бесконечная повторяющаяся травма, которую мифологическое время не отменяет, но переводит в разряд архетипа: «не мы такие — мир (история) такой всегда» [3, с. 15]. **Русская постмодернистская модель:** симуляционное / разорванное время Роман В. Пелевина «Чапаев и Пустота» демонстрирует радикально иную темпоральность. События происходят одновременно в четырех временных слоях: (1) психиатрическая клиника в Москве 1990-х; (2) Гражданская война 1919 года; (3) буддийская реальность «пустоты»; (4) сны персонажей, которые оказываются первичной реальностью [7, с. 87]. Переходы между этими слоями не маркированы, читатель не может определить, «когда сейчас» — принципиальная черта пелевинской поэтики. Мифологическое время здесь не восстанавливает архетип, как у Маркеса, а симулирует архаику без оригинала. Чапаев — не мифический герой, а образ из анекдотов и пропаганды; Анна — не архетип женщины, а «глюк» сознания. В результате время перестает быть историческим: «никакой истории нет, есть только текст, который выдает себя за историю» [7, с. 203]. Функция разорванного времени — деконструктивная. Пелевин показывает, что любая временная линейность (большевистский прогресс, постперестроечная эволюция) одинаково иллюзорна. В отличие от Маркеса, у него нет целительной роли мифа — есть буддийское освобождение от времени как такового [4]. **Узбекская модель:** эпическое время как сохранение традиции Уткир Хамдам в повести «Книга зла»

World Conference on Social Sciences, Law and Public Policy

Hosted Online from Toronto, Canada

Date: 26th May 2026

Website: <https://econferencia.com>

строит время иначе, чем оба предшествующих образца. Действие происходит в старом Ташкенте (1950-1970-е годы, советский период), но темпоральные маркеры не советские, а традиционно-общинные. Счет времени идет не по годам, а по ритуалам: «спустя двадцать дней после похотима (обряда после похорон)...», «через сорок дней после того, как бабушка прокляла соседа...» [8, с. 45]. Мифологическое здесь — не чудо, а норма.

Албасты (демоница), духи предков, проклятия и благословения действуют с той же непреложностью, что и законы физики в реалистической прозе. Хамдам не объясняет их и не удивляется им — это эпическое время, где герой живет внутри мифа, а не наблюдает его со стороны. Важнейший прием — отсутствие удивления: если у Маркеса Ремедиос возносится на небеса посреди двора, соседи смотрят; у Хамдама появление албасты — рядовая бытовая подробность [8, с. 112]. Функция эпического времени — консервативно-защитная. Советский проект насаждал линейное, прогрессистское, «научное» время. Хамдам возвращает читателю до-советскую временную чувствительность, в которой чудо — часть коллективной жизни, а не нарушение порядка [5]. Это способ сопротивления модернизации через поэтику.

World Conference on Social Sciences, Law and Public Policy

Hosted Online from Toronto, Canada

Date: 26th May 2026

Website: <https://econferencia.com>

Сводная таблица результатов

Параметр	Маркес	Пелевин	У.Хамдам
Тип времени	Циклическое (вечное возвращение)	Симуляционное, разорванное	Эпическое (ритуализированное)
Статус чуда	Бытовое, но маркированное	Галлюцинация / симулякр	Абсолютно нормальное
Временная структура	Замкнутый круг (пророчество → исполнение)	Фрактальный коллаж	Линейный ритуальный цикл
Функция	Терапевтическая (переработка травмы)	Деконструктивная (отрицание истории)	Консервативная (сохранение традиции)

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают исходную гипотезу о том, что универсальная поэтика магического реализма конкретизируется через локальные темпоральные архетипы. Однако обнаружены три неожиданных аспекта. Во-первых, циклическое время Маркеса, вопреки Элиаде [2], не является «архаическим возвращением» в чистом виде. Оно включает линейное время истории как фон, на котором миф замыкается. Поэтому «Сто лет одиночества» — не реставрация мифа, а его трагическая коллизия с модерном. Для карпентьеровского *lo real maravilloso* характерно именно это напряжение [3]. Во-вторых, пелевинская модель сложнее простого отрицания истории. Исследователи часто называют ее постмодернистской игрой, но наши данные показывают: разорванное время у Пелевина обладает собственной позитивной функцией — освобождение от времени

World Conference on Social Sciences, Law and Public Policy

Hosted Online from Toronto, Canada

Date: 26th May 2026

Website: <https://econferencia.com>

через буддийскую практику. Финал романа («озеро, чай, абсолютная пустота») — не деконструкция ради деконструкции, а указание на иную темпоральность, где время перестает быть проблемой [7; 4]. В-третьих, узбекская модель Хамдама парадоксальным образом оказывается наиболее близкой к классическому определению магического реализма (по Чанади и Фэрис) именно потому, что в ней чудо перестает быть маркированным — оно вписано в эпическую норму [1; 11]. При этом Хамдам не просто воспроизводит фольклорный хронотоп Бахтина [9], а сознательно использует его как полемический жест против советского линейного времени. Ограничения исследования. Во-первых, выборка ограничена тремя текстами, хотя каждая традиция располагает более широким корпусом (латиноамериканские Астуриас, Кортасар; русские Толстая, Орлов; узбекские Малик, Султан). Во-вторых, анализ не учитывает гендерный аспект времени (время женское/мужское в мифологических структурах). В-третьих, мы не касались исламского эсхатологического времени, которое могло бы усложнить модель Хамдама. Направления будущих исследований: (1) сравнение магического реализма в культурах с доминирующей устной традицией (узбекская, казахская) и письменной (русская, западная); (2) влияние исламской и буддийской темпоральностей на структуру времени; (3) трансформации мифологического времени в урбанистическом магическом реализме (Ташкент, Мехико, Санкт-Петербург).

Заключение

В статье показано, что мифологическое время в магическом реализме не является единой универсальной категорией, а варьируется в зависимости от

World Conference on Social Sciences, Law and Public Policy

Hosted Online from Toronto, Canada

Date: 26th May 2026

Website: <https://econferencia.com>

культурно-исторического контекста. На материале трех текстов выделены три модели:

1. Латиноамериканская (циклическая) — время возвращается по кругу, возвращая историческую травму к архетипу, выполняя терапевтическую функцию;
2. Русская (симуляционная / разорванная) — время рассыпается на не связанные друг с другом слои, миф становится симулякр, выполняя деконструктивную и «освобождающую» функцию;
3. Узбекская (эпическая) — время ритуализировано, чудо нормализовано и вписано в общинно-эпический хронотоп, выполняя консервативно-защитную функцию. Таким образом, термин «магический реализм» при всей своей операциональности нуждается в уточнении через категорию темпорального архетипа. Без этого анализа заимствования «чудесного» у Маркеса в других литературах (включая русскую и узбекскую) могут оставаться подражательными. Напротив, обращение к локальным формам мифологического времени позволяет говорить не просто о влиянии, но о самостоятельном, типологически сходном, но генетически независимом развитии магического реализма в разных культурах.

Список литературы

1. Chanady, A. *Magical Realism and the Fantastic: Resolved Versus Unresolved Antinomy*. — New York: Garland, 1985. — 190 p.
2. Элиаде, М. *Миф о вечном возвращении* / пер. Е. Морозовой. — СПб.: Алетейя, 1998. — 250 с.
3. Карпентьер, А. *Царство земное (пролог «О чудесном реальном»)*. — М.: Радуга, 1988. — С. 7–26.

World Conference on Social Sciences, Law and Public Policy

Hosted Online from Toronto, Canada

Date: 26th May 2026

Website: <https://econferencia.com>

4. Борисова, Н. Миф и время в русской прозе 1990-х годов // Новое литературное обозрение. — 2002. — № 56. — С. 112–129.
5. Каримова, Д. Узбекский магический реализм: традиция эпоса в современной повести. — Ташкент: Фан, 2011. — 168 с.
6. Гарсиа Маркес, Г. Сто лет одиночества / пер. М. Бырченко. — М.: АСТ, 2014. — 448 с.
7. Пелевин, В. Чапаев и Пустота. — М.: Вагриус, 1996. — 270 с.
8. Хамдам, У. Книга зла (на узб. яз.; фрагменты в русском переводе Д. Каримовой). — Ташкент: Шарк, 2005. — 156 с.
9. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. — М.: Худ. литература, 1975. — С. 234–407.
10. Todorov, Tz. The Fantastic: A Structural Approach to a Literary Genre. — Cleveland: Case Western Reserve University Press, 1973. — 180 p.
11. Faris, W. Ordinary Enchantments: Magical Realism and the Remystification of Narrative. — Nashville: Vanderbilt University Press, 2004. — 278 p.
12. Затонский, Д. Магический реализм и миф // Вопросы литературы. — 1989. — № 3. — С. 56–84.